

сіонѣ, то прочитала книгу какого-то французскаго туриста... жется, Готье.. объ Италіи, и три noci бредила Римомъ. Но толи воть что, Оеда, денегъ займы не бери никогда. Боже сохрани! У насъ есть маленькія средства, съ насъ довольно. Воть и ѣдемъ когда-нибудь въ Петербургъ. Нѣтъ, нѣтъ, Оеда, мнѣ страшно. Ты не любишь Ворошилина, и какъ можно брать у него деньги? Самъ смѣешься надъ нимъ, а берешь деньги! И за что онъ тебѣ дастъ? Pour vos beaux yeux! Нѣтъ, не знаю почему, мнѣ страшно...

— Да почему же?

— Ахъ, потому!

Въ глазахъ ея выразилось столько тоски, что мечты Оедора Игнатьича о за-границѣ такъ же быстро улетѣли, какъ и прилетѣли. Онъ согласился съ женой, что дѣйствительно не слѣдуетъ брать денегъ займы. Вдругъ у него нашлось множество возраженій противъ займа, и онъ удивлялся, почему ни одно изъ нихъ раньше не пришло ему въ голову. Онъ сталъ ихъ высказывать. Раиса одобряла ихъ.

— Ну воть, ну воть!—говорила она.

Оедоръ Игнатьичъ прижалъ ея руку къ своей груди.

— Отчего ты умнѣе меня?—спросилъ онъ.

— Какія ты глупости говоришь! — сказала Раиса, обиженнымъ тономъ.—Еслибы это было на самомъ дѣлѣ такъ, развѣ я могла бы тебя любить?

— Нѣтъ, Ракъ, не за умъ любить.

— А за что же?

— А воть за что! — сказалъ онъ и поцѣловалъ жену въ губы.

XXXIII.

Прошли святки. Погода испортилась, и нельзя было кататься. Вѣтряный январь смѣнился болѣе спокойнымъ и теплымъ февралемъ. Стоялъ туманъ; тополи, разубранные инеемъ, бѣлѣли сквозь эту мглу, точно сквозь кисею, и было такъ тихо, что Раисѣ казалось, будто каждый звукъ ея голоса особенно слышенъ, и она старалась говорить почти шопотомъ.

Она шла по бульвару, который былъ недалеко отъ дома; вонючая шель Рѣзниковъ, повернувшись къ ней лицомъ, и смѣясь, показывая свои бѣлые счастливые зубы.

— Ну, да,—говорила она,— мнѣ очень непріятны эти ежедневныя встрѣчи, Василій Ивановичъ. Я гуляю не для васъ.